

ТАНЦЕВАТЬ!

Они созданы друг для друга — балет и Александр Годунов. Даже когда он не на подмостках, не в классе, не на репетиции, достаточно беглого взгляда, чтобы признать в нем возрожденного танцовщика.

Легкость... Походка Годунова легка и словно «не имеет отношения» к земле. Легки движения рук с удлинненными выразительными кистями. Легкие пряди светлых волос падают на лоб. Улыбка, ироничная, озорная, возникает внезапно и столь же внезапно может исчезнуть.

В классе он проделывает любые комбинации так, будто начал танцевать в том возрасте, когда ребенок обычно начинает ходить. Он внимательно контролирует себя, всматриваясь в зеркало. Вот оно радостное: можно взлететь в воздух и там — высоко над планшетою — зафиксировать позу, можно неслышно приземлиться, будто вернулся из никому неведомых краев, и застыть в отчужденном арабеске, можно стремительным рывком начать бесконечное и динамическое вращение, проделать множество туров и вдруг замереть...

В двадцать лет творческий путь только-только начинается. Годунов успел почти три года поработать в «Молодом балете». Он приехал сюда из Рижского хореографического училища и сразу привлек внимание балетмейстеров, по достоинству оценивших незаурядные данные вчерашнего школьника.

Асаф Мессерер поставил его в центр «Большого классического па». Казалось бы, в этом торжественном «балете в белом» нет ни сюжета, ни каких-либо актерских задач, есть лишь прославление великих классических традиций. Выход в торжественном антра, сольная вариация, решенная на сложнейших виртуозных приемах, исполняемые в общей коде стремительная диагональ, жете по кругу — целый полет над сценой, и «вершина мечтаний» каждого балетного премьера — большой пируэт. В интерпретации Годунова эти фрагменты образуют единую, логически и поэтично развивающуюся партию. Балетмейстер поставил ее, учитывая все особенности исполнителя, а исполнитель танцует «самого себя» — со своими богатейшими способностями, со своей увлеченной и потому увлекающей публику манерой.

В поставленном Игорем Моисеевым дуэте «Поэзия чувств», Годунов появляется словно бы еще не осыпав от азарта. Беспечно, почти вприпрыжку идет он по сцене и

вдруг — неожиданная и непредвиденная встреча. Любопытство, изумление, застенчивость, самолюбивое желание вызвать интерес своей избранной партнерши: паузы, когда артист словно прислушивается к самому себе, присматривается к новому для себя впечатлению — краткий дуэт становится большим повествованием, полным примет того трудно воссоздаваемого возраста, той грани отрочества и юности, когда все чувства обострены, все ощущения внове, а весь мир кажется сотканным из чудес.

Впрочем, главным чудом для Годунова был, есть и, по всей вероятности, останется танец. Танец — упоительно-жизнерадостный, как в па-де-де из «Дон Кихота». Здесь танцовщик даже не старается скрыть живейшего наслаждения, которое он сам получает от радужной, напоенной жизнью и вдохновением хореографии. Танец — мечтательный, задумчивый — весь обращенный в будущее, как в дуэте из «Горянки», или стремительное нарядное па-де-де на музыку Кабалевского. Танец — тревожащий и растревоженный, — как Буффон в «Мимолетностях» Голейзовского на музыку Прокофьева: Годунов летает, и словно легкие серебряные струи, трепещут нити мишуры на его шутовской одежде. Он на миг касается сцены, замирая в молчаливом, чуть печальном раздумье, и вновь возвращается к танцу — неисчерпаемому источнику радости и обновления.

Танцу отданы и рабочее время, и досуги Годунова. Он отыскивает музыку самую разнообразную, музыку, которую мечтает станцевать. Он самостоятельно работает, осваивая классический репертуар. И в этой настойчивой, неутомимой работе «для себя» — редкостью для столь юного возраста понимание простой истины: без серьезнейшего труда, без классики (как бы интересны ни были все новации) не может быть речи о совершенствовании таланта. Годунов шлифует свой талант серьезно, упрямо, строго — без скидок на занятость, без надежды на то, что «данные вывезут», без упования на некий счастливый случай, который принесет ему успех и признание просто так, безо всякого предварительного труда. Так не бывает! И если спросить Годунова, чего он хочет, о чем мечтает, какое занятие самое любимое, он ответит кратко, но исчерпывающе:

— Танцевать! Танцевать! Танцевать!

Е. ЛУЦКАЯ.

13 ИЮН 1969

АЛЕКСАНДР ГОДУНОВ
ИГОРЕМ МОИСЕЕВЫМ
МОСКВА